Как умирала Вера

Автор:
Ольга Гуляева

Как умирала Вера

Ольга Гуляева

Триллер от звезды YouTube

Шикарная красавица-телеведущая Вера Званцева однажды проснулась не у себя дома в объятиях любимого, а в… морге. Единственным живым существом в этом «заведении» оказался санитар Пахом. От него Вера узнала, что ее тело предназначено для пересадки супруге гениального хирурга Германа Фишера.

Вера оказалась в западне, спасать ее абсолютно некому. Как только все приготовления к операции будут завершены, она навсегда покинет этот мир. Вот только Вера еще не знает, сколько сюрпризов преподнесет ее тело своим обидчикам…

Ольга Гуляева

Как умирала Вера

Жизнь и смерть во мне объявили мне:

«Жизнь – игра, у тебя нет масти,

Смерть к тебе не питает страсти,

Жизнь тебя проиграла, стуже и смерти

ты не нужен».

Жизнь и смерть во мне объявили мне:

«Будешь жить, не кидая тени, обладая

горячим телом,

Обжигая холодным взглядом,

станешь ядом».

Жизнь и смерть во мне объявили мне:

«Так и будешь идти по краю,

Между адом земным и раем,

Между теми, кто жил, кто снится,

Путать лица…»

Гр. Кукрыниксы «Никто»

Пролог

Бам-с!.. Резко подняться ей помешало что-то гладкое сантиметрах в тридцати от ее лба. А мороз-то какой! Она попыталась ощупать себя, но локти наткнулись на тесные холодные стены. Тем не менее нескольких скованных движений хватило, чтобы понять, что она обнажена. Какого черта?!

Прежде чем предпринять следующую попытку пошевелиться, она зажмурилась и попыталась восстановить в памяти цепочку последних событий, которые привели ее к столь незавидному положению. Из глубин сознания посыпались яркие вспышки: дрожащая стрелка спидометра на отметке «сто восемьдесят»; расплывающаяся перед глазами, горящая красным светом приборная панель; дворники, с трудом преодолевающие сопротивление плотного потока воды. И какой-то постоянный источник раздражения справа от нее: «Ты что, права купила? Плетешься еле-еле! Мы так до утра будем ехать! Жми на педаль!»

Антон!

Бам-с!.. И зачем только она снова попыталась поднять голову?.. Ах да, чтобы посмотреть, нет ли рядом Антона. Но тут его точно нет. Тут слишком тесно даже для нее одной. И это явно не автомобиль, в котором она находилась в последние секунды своего сознания… Автомобиль разбился! Этого она не помнила, но помнила страшный удар, после которого она, по-видимому, отключилась. В последние секунды она уже совсем ничего не видела, да еще и Антон начал выхватывать у нее руль.

Жаль, если он тоже умер. Она, кажется, успела полюбить его за то недолгое время, которое они были вместе. Она скорбно поджала губы…

И тут же распахнула глаза в холодную темноту, едва сдержавшись, чтобы не устроить третий «бам-с» – что значит «тоже»?! Она, конечно, голая, ледяная, замурована в каком-то металлическом ящике, но она живая! Покойники не делают «бам-с», ни при каких обстоятельствах! Выходит, ее похоронили заживо? В памяти моментально всплыли страшилки об исцарапанных изнутри крышках гробов. Неконтролируемая паника начала овладевать ею. Стоп! Не могли же ее похоронить в цинковом гробу и совсем без одежды! Скорее всего это всего лишь морг! Всего лишь морг. Какое облегчение. Это всего лишь значит, что в ее ближайшем окружении в подобных стесненных условиях сейчас ютятся те, кому повезло чуть меньше, чем ей. Они не делают «бам-с», не мерзнут, не испытывают липкого ужаса, не прибегают к собственной иронии, чтобы не свихнуться от пугающего открытия. Пожалуй, им даже можно позавидовать сейчас. А вот ей нужно срочно что-то предпринять, чтобы не пополнить ряды своих соседей. Естественно, они не подают никаких признаков жизни, но она точно знает, что она в морге не одна. Тут должен быть кто-то еще, кто присматривает за ней и ее товарищами по несчастью. Кто-то определенно по несколько раз на дню играет в импровизированные пятнашки с этими холодными ячейками. И есть один-единственный способ достучаться до него сейчас.

Бам-с! Бам-с! Бам-с! Бам-с! Бам-с! Бам-с! Бам-с! Бам-с!

Смерть – такое же естественное явление, как и рождение, только более значительное.

Стивен Кинг «Кладбище домашних животных»

– Иду-иду, кому не спится?

Она замерла, услышав приглушенный голос, и немного удивилась спокойному тону говорящего. Может быть, это и не морг вовсе, если предполагается, что она должна просто спать? Шаги приблизились и затихли. Она постучала еще раз, чтобы указать невидимому спасителю свое местоположение.

Лязгнул замок, и ее пренеудобное ложе выкатилось из кромешной темноты на тусклый свет, который тем не менее заставил ее зажмуриться. Она наконец смогла протянуть руки, прикрыть ими заиндевевшее лицо и сесть без всякого «бам-с».

– Передумала?

Она отняла руки от лица и уставилась на говорящего. Невзрачный паренек с топорщащимися в разные стороны темно-русыми волосами, недельной щетинкой, в очках прямоугольной формы и сером халате смотрел на нее устало и недовольно.

– Хорош пялиться. – Она свесила ноги и скрестила их, чтобы хоть как-то спрятать ничем не прикрытые участки тела, руками обхватила себя за плечи, загораживая ими обнаженную грудь и пытаясь согреться. – Передумала что?

Она не преминула между делом с удовлетворением отметить свой впалый живот. «Как бы его удержать в такой форме?» – мимолетом пронеслось у нее в голове.

– Помирать, чего ж еще? – спаситель облокотился на ее недавнее ложе. В его, казалось бы, отстраненном взгляде заиграли искорки любопытства.

– Так это все-таки морг?

– Нет, б***, курорт на водах! – оживился собеседник.

Она огляделась по сторонам. Как минимум на трех тележках лежали трупы. Древняя старушка, старик и молодой мужчина с раскуроченным от подбородка до паха телом. «Это не Антон», – успокоила она себя. А вслух в сердцах воскликнула:

– Твою мать! Твою ж ты мать! Как я тут оказалась?!

Паренек молча наблюдал за ней.

– Я не один из ваших жмуриков, со мной можно разговаривать. – Она помахала ладонью у него перед лицом для убедительности. – Но сейчас стану им, если вы не дадите мне одежду. Что вообще принято делать в таких случаях?

– Понятия не имею. Впервые подобный казус.

– Да? А лицо у тебя такое, будто я третья за ночь.

– Это шок, – отмазался он.

– Врешь! Ты до сих пор что-то жуешь.

– На, – молодой человек снял с себя серый халат и накинул его на девушку. – Идти можешь? Сейчас найдем что-нибудь для согрева.

– Спасибо. Да, – уверенно ответила она, но, ступив на ледяной кафель босыми ногами, почувствовала небывалую слабость.

– Давай, опрись на меня. Как звать тебя?

– Вера.

– А я Пахом.

Слава богу, в подсобке у санитара морга Пахома нашлось все необходимое для того, чтобы согреться, а также для того, чтобы отметить спонтанное знакомство. Вера сидела в спортивных штанах, удобство которых заключалось в том, что они затягивались шнурком на талии до нужного размера, и в растянутом шерстяном свитере крупной вязки. В руках она крепко сжимала граненый стакан с прозрачным напитком, а кончиками пальцев придерживала кусочек черного хлеба. Брезгливо оглядывая себя, она спросила:

– Чье это шмотье?

– За ним уже никто не придет, – обнадежил ее Пахом.

– Ясно, – поежилась Вера. – А мои вещи где?

– В больнице, наверное, остались. Плеснуть еще?

Вера протянула руку со стаканом.

– После такого сколько ни выпей, будешь как стекло, – усмехнулся Пахом, подливая спирта из прозрачной колбы.

Вера отняла руку.

– Погоди! Водой разбавлю! Не до такой же степени… – остановил ее Пахом.

– Смотрю, тебя тоже не особенно забирает.

– Ты видела моих клиентов? А тут еще и ты! В момент все выветрилось.

– Ладно, Пахом, раз ты такой трезвый и адекватный, рассказывай.

– Что?

– Хоть что-нибудь! Как я тут оказалась? Живая и в морозильной камере для трупов – хотя бы про это пару слов.

– Как все, из больницы привезли, – равнодушно ответил Пахом. – Только ты была неживая. Я своими собственными глазами видел.

Вера скептически посмотрела в затянутые пьяной поволокой глаза, глядящие на нее поверх грубой оправы очков.

– Я тогда еще не пил, – поймал он ее сомневающийся взгляд.

– Так ты вчера наверняка пил.

– Ну и что? Глаз-то наметан. Что я, мертвого от живого не отличу? Мертвая ты была. И белобрысый твой, убедившись в этом, слинял.

– Что? Антон был здесь? Он в порядке?

– Да, примчался вслед за «Скорой». Кричал, что на тебе не было ни царапины, что все ошиблись. Сам при этом весь в синяках и ссадинах. Я ему тебя выкатил, он постоял с минуту, руку твою потеребил, в дознании поучаствовал и ушел.

– Давно ушел?

– Да нет, с час. Тебя и привезли-то всего пару часов назад. А вскрытие назначили на семь утра.

Вера перевела взгляд на настенные часы.

– Может, стоит отменить?

– А им все равно надо доделать другого.

– Я понимаю, что ты не знаешь, куда сообщать в таком случае. Но может, стоит позвонить в больницу, чтобы меня увезли обратно? Или заявить в полицию о вопиющем случае? Или дай мне оставленные кем-нибудь из твоих клиентов ботинки и пальто, и я просто пойду, – Вера заглянула в отрешенное лицо санитара.

Тут он впервые посмотрел на нее осознанно и даже немного серьезно.

– Чувствуешь себя нормально?

– Вполне.

– Тогда иди.

– Ага, щас! – Вера резко передумала. Она закинула ногу на ногу и облокотилась на спинку дряхлого кресла. – Я засужу эту гребаную больницу, которая чуть не похоронила меня заживо, и буду безбедно существовать всю оставшуюся жизнь.

– Не стоит. Если ты сейчас не уйдешь, то вскрытие состоится независимо ни от чего. Поверь мне на слово.

Вера вздохнула:

– Шутник. Ладно, дай мне телефон. У тебя же есть мобила?

– Ты ничего не добьешься, – равнодушно заметил Пахом.

– Да я хоть Антону позвоню, он меня заберет.

– Не заберет.

– Машина разбита, но он найдет способ. Приедет на такси.

– Не знает тебя твой Антон.

– Как это, не знает?

– Сказал, что просто подвозил тебя. Менты записали его показания, контакты взяли на всякий случай и распрощались.

– Ха, да ты брешешь! За рулем была я, это я расфигачила его тачку, а он был в стельку пьян! Значит, это не Антон приходил сюда, а самозванец какой-то. –

Вера обиженно сложила руки на груди.

– Он самый, при мне его менты записывали.

– А что же он руку мою поглаживал, раз не признал?

– Да просто из жалости. Такая молодая и красивая, говорит. Ты и вправду даже мертвая красивая, – мечтательно проговорил Пахом.

– Фу, извращенец! Похоже, я вовремя очнулась!

– И не такая бешеная, – добавил он.

– Ты себя послушай, что ты мне тут лепишь! Что вскрытие состоится независимо ни от чего, что мой труп тебя привлек и что мой мужик меня не узнал после трех месяцев знакомства!

«Всего-то три месяца, мы друг другу никто», – с грустью подумала Вера. Она в него почти влюбилась, а вот он помалкивал. То ли присматривался, то ли обнадеживать не хотел. Мог ли Антон сейчас так поступить, чтобы избежать лишних хлопот? Вполне. С ее родней и друзьями он не знаком, так что даже если бы и признался, что знает «погибшую», то ничем бы следователям не помог. Они и без него передадут информацию ее родственникам, а он поправит воротник своего модного пиджака и пойдет дальше, стерев этот инцидент и последние три месяца жизни из памяти. Он без труда найдет себе новую пассию или пороется в старых запасах, которые и без того бесконечно напоминают о себе. Почему-то сейчас, когда она сидит в подсобке морга, распивая с санитаром медицинский спирт, согревая свое окоченевшее тело одеждой, снятой с какого-то трупа, ее заботит только то, что Антон так легко смирился с ее смертью и в данный момент, пожалуй, уже даже не скорбит. Зная его спокойный непоколебимый характер, Вера могла утверждать, что так оно и было.

А ведь она почти поверила, что с ним у нее может что-то получиться. После неудачного брака и череды безнадежных романов она вдруг встретила его и, уже практически не веря в удачу, просто поплыла по течению вместе с ним. Все твердили ей, чтобы она просто наслаждалась моментом, брала от жизни все. Но для истинного наслаждения ей нужен был рядом человек, к которому у нее сложилось бы особенное отношение и с которым она представляла бы

совместное будущее. Ей уже не двадцать лет, чтобы тратить время на человека только потому, что с ним весело и кайфово. А рядом с Антоном она жила. Она в принципе жила, только когда любила. Но чем сильнее любила, тем скорее наступал конец всему. Антон был не в ее вкусе, она никогда не любила блондинов. Но может быть, на то он и блондин, чтобы сломать систему, вырвать ее из замкнутого круга обманщиков и неудачников? Несколько раз она отходила в сторону, давая Антону свободу выбора и время определиться. Лучше раньше, чем когда она потеряет бдительность. Но он, каждый раз оправдывая ее самые смелые ожидания, возвращался в ее жизнь с новыми идеями и предложениями, которые подразумевали совместное времяпровождение. Иногда Вера задумывалась о том, из-за чего их отношения могли бы оборваться, но никогда не предполагала, что причиной тому послужит ее собственная смерть. А если бы ей кто-нибудь сказал, что у нее после этого еще появится возможность всерьез обидеться на него за то, что он так легко перешагнул через это событие, она бы сочла его сумасшедшим.

2

– Слаще смерть, чем жизнь без тебя…

– Не я ушла, ты отпустил…

Н. А.

Антон уже второй час шел по ночным улицам домой, яростно шаркая по асфальту, покрытому свежевыпавшим снегом. По крайней мере это направление его движения было задано изначально. Но морг находился в таком захолустье, что пришлось долго петлять по пустынным дворам и подворотням. Такси, на котором он прибыл на опознание Веры, сразу же уехало, да и после посещения такого заведения ему захотелось немного проветриться. Несколько раз он разворачивался, намереваясь вернуться назад, но шаге на пятнадцатом эта решимость куда-то улетучивалась, и он снова резко поворачивал в том направлении, где, как ему представлялось, находился его дом.

Почему он не признался, что был знаком с покойной? Решил, что это ничего уже не изменит, а лишь добавит ему хлопот? Но это несправедливо по отношению к

Вере. Он был ее последним мужчиной. Это факт. И он пережил с ней прекрасные моменты. Он посмел надеяться, что вот она – та самая, в которой он нашел все, что ему нужно. Он думал, что никогда не женится во второй раз, но, глядя на нее, задавался вопросом – а почему бы и нет? А она взяла и умерла! Без единой ссадины, без единой царапины. Просто умерла, как будто ему назло. И даже на операционном столе ее бездыханное тело было прекраснее, чем когда-либо, как будто она посылала ему немой укор – смотри, что ты потерял!

Ну да, он перебрал, попросил ее сесть за руль. Но и она тоже выпила бокал вина в начале ужина. Но дело не в этом. Дело в плохой видимости и проливном дожде, так несвойственном началу декабря. Она кричала, что ничего не видит, а он, насмехаясь над ее манерой вождения, заставлял ее ехать быстрее. А Вера – натура горячая. Она грозилась остановиться и высадить его на трассе, но от возмущения вжимала педаль газа в пол еще сильнее. Для обоих это была своеобразная игра, сгусток эмоций, сулящий незабываемый накал страстей последующей ночью. Как глупо. Это он убил ее, как ни крути. Только поверить в это не мог до самого конца. В больницу ее привезли просто без сознания, хотя оба они вылетели через лобовое стекло, поскольку были не пристегнуты. Видимо, все удары, пусть и несильные, принял на себя Антон. Веру положили в обычную палату, а ему обработали пустяковые раны. А через какую-то пару часов ему сообщили, что участница аварии скончалась. Поверить в это было невозможно, и чтобы исправить это глупое недоразумение, ему пришлось поехать в морг. Поехать в морг! Какого лешего ее так быстро увезли в морг к черту на кулички, если при больнице также имеется патологоанатомическое отделение?

Антон втянул голову в плечи. Со вчерашнего дождливого вечера здорово похолодало, а он был легко одет, да еще и саднили свежие царапины. Но молодой человек долгое время не обращал внимания ни на холод, ни на боль. Слишком велика была досада от событий сегодняшней ночи. Веру жаль. И самому дискомфортно. Сейчас он кое-как доберется до дома, а завтра снова проснется одиноким человеком. За последние три месяца он привык просыпаться с мыслью, что у него есть Вера. Требовалось еще время присмотреться к ней повнимательнее, но от встречи к встрече он все больше убеждался, что она именно та, кто ему нужен. Красивая, но лишенная пафоса и надменности, простая, своя девчонка. Хоть за плечами у нее, как и у него, были брак и неудачный опыт, она к своим почти тридцати годам сохранила легкий нрав и веселый характер. Ему нравились ее интеллект и чувство юмора. Порой ему даже казалось, что он немного не дотягивает и пасует перед ней, но Вера умела вовремя сдать позиции и покориться, притвориться маленькой

несмышленой девочкой, нуждающейся в защите и мужском плече.

Его снова пронзило желание вернуться в морг. Как он мог оставить ее одну в этом жутком холодном месте, когда она впервые в жизни не притворялась беззащитной, а являлась таковой? Это последняя возможность побыть с Верой, максимально приближенной к ее живому образу. Через пару дней на похоронах вместо нее будет уже выпотрошенное чучело. А он и не собирался ни на какие похороны. Он сбежал от нее навсегда в надежде поскорее расправиться с чувством досады, которое было вызвано смертью понравившейся ему девушки. Это подло и эгоистично. Он был зол на себя.

3

Пою и пью,

Не думая о смерти,

Раскинув руки,

Падаю в траву,

И если я умру на белом свете,

То я умру от счастья, что живу.

Евгений Евтушенко «Пролог (Я разный)»

– Короче, Пахом, знай, что все мужики козлы! – вещала Вера, сидя на подлокотнике кресла, в котором скромно устроился Пахом. Одной рукой она похлопывала его по плечу, а второй размахивала для убедительности, рисуя в воздухе невидимые круги и не выпуская при этом наполовину наполненный стакан. – Знаешь, почему я тебе об этом говорю? Потому что ты не совсем мужик. Ой, прости. Правильнее сказать, не совсем человек. Вот смотрю я на тебя и думаю – да ты же призрак! Местное привидение. Тебя окружают одни жмурики, ты тут с ними и тусуешься, и пьешь, и ешь.

– Я учусь в аспирантуре, – вяло парировал Пахом.

– Ой, а не поздновато ли ты об образовании задумался? Интересно, что случится раньше – ты получишь диплом или отбросишь коньки от этого адского пойла?

– У каждого свое время.

– А мне кажется, ты тут совершенно в своей среде. Ну да ладно. В общем, мужики – предатели, эгоистичные бесчувственные твари. Я относилась к нему со всей душой, была хорошей девочкой, такой, как он хотел. А что получила взамен? Он сбежал из морга, оставив меня здесь одну. Вывод: быть надменной сукой всегда выгоднее. Полезно для здоровья и безопасно для жизни.

– Он оставил тебя, потому что ты умерла. Теоретически ты оставила его первая. Езжай к нему.

– Бегу и падаю! Сначала надо его как следует проучить, чтобы знал, что меня нельзя бросать ни при каких обстоятельствах. – Вера задумалась и вскоре заговорщически улыбнулась. – Он думает, что я умерла. Испугаю его до полусмерти, – зашлась она истерическим хохотом, похлопывая себя по коленкам.

Закатив глаза, Пахом осторожно взял у Веры стакан и отнес его в маленькую пожелтевшую раковину.

– У тебя стресс. Понимаю. Но со спиртягой пора завязывать. Ты уже согрелась дальше некуда.

– Ты прав. Мне пора, – отсмеявшись, Вера встала и потянулась. – Поеду домой, приму ванну и посплю. А потом отправлюсь за своими вещами и заодно разнесу эту больничку к чертям собачьим.

– Смелый план, – пробурчал под нос Пахом, ополаскивая стаканы.

– Что ты сказал?

– Будь осторожна. Запись о твоей смерти уже сделана. Факт зафиксирован.

– И что?

– Если с тобой что-то сейчас случится, то никто за это отвечать не будет.

– Не думаю, что за одни сутки я смогу умереть дважды.

Пахом нехотя закопошился в шкафу.

– На, примерь.

Вере под ноги упали ботинки на грубой рифленой подошве со шнуровкой до середины голени.

– Прелестно. С неизвестного солдата сняли?

– Остальное все – летнее.

– А-а, не сезон, что ли?

– И вот еще, – Пахом протянул ей драповое пальто болотного цвета.

– Довольно стильно, – одобрила Вера. – А это что? – Она указала на темные разводы.

– Кровь, – равнодушно пояснил Пахом, закрывая шкаф. – Но зато теплое.

– Чудненько. – Вера сунула руки в широкие рукава.

– Ты серьезно? – удивился Пахом, поглядывая на нее с новым интересом.

– Да, главное – поскорее отсюда свалить.

– На чем валить собралась? – Пахом порылся в кармане джинсов и извлек смятую купюру. – Вот, на такси.

– Спасибо. – Вера приняла деньги и сунула в карман.

На улице послышались звуки подъехавшего автомобиля. Пахом снова принял озабоченный вид и метнулся к маленькому окошку, которое выходило наружу аккурат на уровне земли.

– Новый клиент? – поинтересовалась Вера.

– Не совсем. Все, вали скорее, надоела уже. Давай, бегом.

– Все-все, ухожу, с радостью! – Вера поспешила к выходу.

Пахом тревожно смотрел ей вслед, нервно раздувая ноздри. Он стоял в конце длинного коридора, большие уши смешно торчали в стороны, в очках отражался свет голубоватой лампы. Вера прыснула и, послав ему воздушный поцелуй, всем весом навалилась на тяжелую железную дверь, которая сейчас символизировала для нее грань между царством мертвых и миром живых.

Оказавшись на улице, девушка поежилась. И правда, подморозило, а лицо покалывал падающий снежок. Почти семь утра, но до декабрьского рассвета было еще далеко. Из припарковавшегося только что черного «Мерседеса» навстречу ей направлялись два бугая классической бандитской внешности. Вера накинула капюшон и нырнула с крыльца вдоль здания, дабы не пересекаться со странными ночными посетителями морга.

– Это еще кто? – послышалось ей.

Вера, едва свернув за угол, остановилась и прислушалась к диалогу быдло-гостей.

– Одна из Пахомовских шлюх, наверное, – хрипло ответил собеседник.

– Ему что, покойников мало? – прыснул первый в ответ.

– Она похожа чем-то на нашу последнюю клиентку, ты не заметил?

– Да нет, брось. Та уже холодненькая, ждет нас внутри.

Вера поморщилась и быстрым шагом направилась в сторону автомагистрали, поклявшись себе больше никогда не возвращаться в это жуткое место.

Добираться до проезжей части пришлось минут пятнадцать. Еще десять ушло на то, чтобы найти сговорчивого таксиста. В итоге оказалось, что Вера перестаралась. Шофер не отличался особой тактичностью и сразу заострил внимание на запахе спирта, исходящем от его пассажирки:

– Что за повод?

– У меня день рождения, – пробурчала Вера.

– Сколько лет?

– Ноль. У меня второе рождение.

– Чего-то ты не слишком нарядная для торжества, – покосился на нее водила.

– Спонтанно вышло, – коротко отрезала девушка и уставилась в окно, всем видом давая понять, что не расположена к беседе.

Глядя в окно на проплывающие мимо еще темные улицы, Вера снова подумала об Антоне. Казалось, со вчерашнего вечера прошли годы, она очень соскучилась и больше всего хотела сейчас оказаться рядом с ним. Принять душ, нырнуть под одеяло к нему под бочок и прижаться крепко-крепко. Потом проснуться и понять, что сегодняшняя длинная ночь – просто сон. Но это лишь мечты. Ни теплый душ, ни горячий чай, ни крепкий сон не помогут ей отделаться от гнетущего неприятного ощущения: ее предали. Предал тот, кому она больше всего хотела довериться.

И меньше всего сейчас хотелось думать о формальностях, которые ей придется пройти, чтобы вернуться к жизни. Столь вопиющий случай необходимо обнародовать, а для этого ей понадобится хороший адвокат. Вера начала перебирать в памяти знакомых юристов. Вот с журналюгами, которые слопают эту историю, точно проблем не будет. Постепенно идея засудить больницу увлекла ее, и она не заметила, как такси въехало в арку ее многоподъездного дома.

– Какой подъезд? – Грубый голос прервал ее размышления.

– Вон тот. – Вера протянула руку между передними сиденьями, указывая дорогу, и осеклась.

Девушка съехала вниз по заднему сиденью. Прямо напротив ее подъезда стоял тот самый черный седан, с пассажирами которого она столкнулась при выходе из морга. Вера бы и значения не придала, если б это был какой-нибудь «Форд», но «Мерседес» бизнес-класса в обычном московском дворе не заметить было сложно.

– Мимо, медленно, но уверенно едем мимо и выезжаем через другую арку, – прохрипела Вера из-под заднего сиденья.

Таксист в недоумении перекинулся назад, пытаясь сообразить, что происходит с его пассажиркой.

– Маршрут, что ли, меняем?

– Смотри вперед, как будто ты один в машине, – шикнула Вера. – Да, меняем.

Вера пока не понимала, чего она испугалась и почему, но ее колотила мелкая дрожь. «…Похожа чем-то на нашу клиентку… Да нет, наша холодненькая, ждет нас внутри…» В памяти всплыли слова, которыми встретили ее два головореза, которые теперь дежурят возле ее подъезда.

Такси поравнялось с черным «мерсом». Вера зажмурилась и, кажется, даже вспомнила какую-то молитву. Ее губы беззвучно шевелились. Водила, на ее счастье, молчал и больше не оборачивался, но все равно казалось, что до выезда из арки в противоположном конце двора прошла целая вечность.

– Мы можем кататься все утро, дамочка, только платите, – заговорил наконец шофер.

Убедившись, что они отъехали от дома на безопасное расстояние и погони нет, Вера попросила остановить машину.

Неожиданно для нее самой ей захотелось вернуться в морг и расспросить Пахома о том, что, черт возьми, происходит и кто эти люди. Он единственный, кто сейчас, вероятно, мог бы ответить на этот вопрос. Но возвращаться было опасно. Она не видела, сколько человек в машине у ее дома. Возможно, кто-то до сих пор дежурит в морге.

– В этой штуковине есть интернет? – Вера указала на планшет-навигатор, криво прицепленный к приборной панели.

– Конечно, – гордо, но с некоторым недоумением ответил таксист.

– Вбейте «морг в Люблино, контакты».

– Мы же только оттуда, – удивился водила, но вбил текст в поисковик.

– Мне нужно позвонить туда.

– Вот номер.

– А мобила есть? Можно позвонить?

Таксист протянул Вере трубку:

– Надеюсь, ты расплатишься за все это удовольствие?

– Пахом, это ты? – Вера уже разговаривала с невидимым собеседником.

– Вера? Живая?

– В смысле? Ты опять сомневаешься?

– Снова, – вздохнул Пахом. – Где ты?

– Я приехала домой, но там у подъезда дежурит машина, которая час назад приезжала в морг. Что происходит? Кто эти люди?

– Я же говорил, чтобы ты ехала к своему мужику. На фига поперлась домой?

– Может быть, потому что ты не потрудился объяснить мне, по какой такой причине я не должна была туда ехать?

Пахом помолчал несколько секунд.

– Так ты поедешь к Антону?

– Нет! – взорвалась Вера. – Он меня бросил! – Из глаз брызнули слезы. – Он предал меня, он редкая сволочь, ненавижу его! – разрыдалась Вера.

– Тогда езжай к любой подруге, знакомым, только не к близким родственникам.

Вера побагровела и нечеловеческим голосом заорала в трубку:

– Я прямо сейчас приеду в морг и вытрясу из тебя всю душу! Ты объяснишь мне, что это за хренова конспирация, или умрешь прямо там! Клянусь тебе! Ты знаешь, что мне нечего терять! Меня нет!

Вера кинула трубку в водителя и обиженно проворчала:

– Обратно в Люблино.

Тот воздержался от комментариев на этот раз и тронулся. Зазвонил его мобильный.

– Это тебя, – протянул он Вере трубку.

– Слушаю.

– Вер, у меня смена закончилась, – торопливо проговорил Пахом. – Приезжай ко мне домой, в Печатники. Давай я назову адрес водителю.

Вера молча протянула трубку обратно хозяину.

Внезапные слезы подсыхали, от усталости сводило тело, веки смыкались. Последнее, на что обратила внимание Вера, прежде чем провалиться в долгожданный сон – светает. Самой длинной и непонятной ночи в ее жизни все-таки приходит конец.

4

Жизнь сердца – это любовь, а его смерть – это злоба и вражда.

Господь для того и держит нас на земле, чтобы любовь всецело проникла в наше сердце: это цель нашего существования.

Иоанн Кронштадтский

Антон поднял тяжелейшие веки и, взглянув на часы, очень удивился. Всего десять, а ему не спится. Странно, если учесть, что вчера, придя домой, он опустошил едва початую бутылку виски. Голова раскалывалась на тысячи мелких кусочков. Но было кое-что еще – более неприятное, чем ощущение дикого похмелья. Ощущение пустоты. Он знал, что так будет. Место в его постели, мыслях и даже в сердце, занятое на протяжении нескольких месяцев, теперь пустовало. Он не успел дать понять Вере, что нуждается в ней. Не говорил громких слов, не звонил лишний раз, но думал о ней, засыпая и просыпаясь, любил перебирать в памяти фрагменты их совместного времяпровождения и всегда с радостным предвкушением ждал свидания. Теперь он мог только вспоминать ее. И чтобы как-то приглушить головную боль, он поднял из глубин памяти самый яркий фрагмент – их первую встречу.

Это случилось месяцев пять назад. Его приятель со схожим родом деятельности попросил подменить его на съемках. Проект малобюджетный и канал не очень популярный, но контрактом было не предусмотрено расторжение менее чем за двадцать четыре часа. По старой дружбе Антон согласился. Это было ток-шоу с выдающимися личностями современности. Интервьюером выступала прелестная молодая женщина, не лишенная грациозности и доли кокетства. Как позже выяснилось, это был Верин дебют на телевидении. До этого, будучи замужем за питерским музыкантом, она работала ведущей на радио. А после развода переехала в Москву и не прогадала. Всем своим видом она излучала уверенность

и успех, глаза горели от занятия любимым делом. Красное облегающее платье и помада в тон на пухлых губах делали ее образ ярким и незабываемым. Антон, оператор со стажем, тогда чуть не забыл включить камеру – так он засмотрелся на красавицу-ведущую.

Но вот мотор. И он уже готов к разочарованию. Ну, пробилась красотка со стройными ножками и аппетитной попкой на телевидение, а дальше что? Это же не конкурс красоты, а ток-шоу, причем с претензией на серьезность. Тут говорить нужно, иметь вербальный талант, обладать способностью разболтать даже самого замкнутого собеседника. Ну да ладно, глядя на нее, слушать не обязательно.

Но уже с первых минут Антон заслушался и, поймав себя на этом, мысленно аплодировал покорившей его дебютантке Вере Званцевой.

После съемок в ближайшем баре отмечали открытие нового шоу. Его ведущая упивалась успехом и похвалами коллег и ни разу даже не взглянула в сторону скромно устроившегося в самом углу у барной стойки оператора. Но, собравшись домой, она подошла к нему, поблагодарила за съемку и предложила познакомиться поближе.

Знакомились они бурно и страстно до самого утра в ее кровати, застеленной простынями, украшенными такими же красными маками, как ее сегодняшнее платье. Наутро Антон боготворил эту женщину, но почему-то обоим было понятно, что столь спонтанное знакомство окажется скоротечным. Вера не предложила ему завтрак и встала, только чтобы закрыть за гостем дверь. На прощание они вежливо поулыбались друг другу и расстались, казалось, навсегда.

Приятное послевкусие длилось несколько дней, и Антон не искал новой встречи. А потом вообще на месяц уехал в командировку и почти забыл про спонтанное знакомство.

Спустя два месяца снова позвонил тот же приятель с аналогичной просьбой. Еще до того, как он ее озвучил, сердце Антона сбилось с ритма. Он уже понимал, что ему предоставляется второй шанс. И он им воспользовался. С того дня они с Верой почти не расставались, за исключением тех моментов, когда у обоих был плотный рабочий график.

Как выяснилось, оба не были готовы и боялись вступать в новые отношения. У обоих за спиной были неудачные браки и романы. Но решение рискнуть и попробовать что-нибудь построить пришло обоюдно. Они никогда не обсуждали это решение, но на деле давали друг другу понять, что им хорошо вместе.

Точно так же, не обсудив ничего, Вера ушла. Вчера она покинула его навсегда.

Воспоминания прервал телефонный звонок, отразившись острой болью где-то в центре головы. Все-таки сознание – странная и жестокая штука: первым делом Антон подумал о том, что это, возможно, звонит Вера. Тут же осек себя, и боль стала еще нестерпимее. «Марина» – издевательски высвечивалось на настойчиво вибрирующем аппарате. Зачем-то он ответил. Вера терпеть не могла Марину, эту «сшитую по частям куклу с отверстиями для надува в нескольких ключевых местах и носом Майкла Джексона». Природная аристократичность в Вере прекрасно уживалась с жаргоном, приобретенным за годы проживания с музыкантом и вращения в рок-тусовке Северной столицы, пусть и культурной.

– Антоша, хочу напомнить, что жду тебя сегодня в шесть на своем дне рождения. Если хочешь, можешь взять с собой эту свою… Веру. Хотя ты знаешь, что больше всего я обрадуюсь, если ты будешь один.

– Я уже один, – прохрипел Антон и отключил телефон.

Ему удалось снова уснуть на несколько часов, но когда он проснулся, голова еще побаливала. Он поискал, что можно выпить, но дома ничего не оказалось. Он собрался было в магазин, но вспомнил про приглашение на праздник. Там уж точно будет чем залить свою печаль. Он слегка привел себя в порядок и отправился к Марине.

Не слишком долго он выдерживал общество золотой молодежи, но влить в себя успел достаточно и, решив, что хватит, рано собрался домой. Выходя из заведения, он с трудом отбился от блондинки в соболином манто, которая пристроилась к нему у бара и старалась пить наравне с ним. В какой-то момент он устал сопротивляться, и у него промелькнула мысль пуститься во все тяжкие, оправдываясь чувством невосполнимой утраты, но что-то остановило его.

И в этом для него состояла большая удача, потому что то, что он увидел около своего дома, было предназначено только для его глаз. Но, как знать – возможно,

если бы он приехал к дому не один, то не начал бы сходить с ума.

5

Мы рождаемся с криком,

Умираем со стоном.

Остается только жить со смехом.

Виктор Гюго «Человек, который смеется»

Вера сладко потянулась после крепкого сна. Пробуждение в незнакомой квартире на чужом диване ее не сильно смутило. Что-то подсказывало, что страшнее, чем вчерашнее пробуждение в железной ячейке морга, уже ничего не будет. Самое ужасное позади.

Вчерашней одежды на ней не было. Только длинная свежая футболка. «Ну, ничего, Пахом уже видел меня голой», – успокоила себя Вера. Вчерашний таксист отвез ее именно к нему. Девушка огляделась. Скромная квартирка, в советских мотивах, «однушка», максимум «двушка». Но все довольно аккуратно и чистенько. Вкусно пахло свежеприготовленной едой. У Веры свело желудок – она почти сутки ничего не ела, если не считать черный хлеб, которым она закусывала медицинский спирт. Девушка пошла на запах.

– Какое умиление! – обратилась она к стоящему у плиты в нелепо повязанном фартуке Пахому. – Вот каждое утро наблюдала бы такую картину! Мужчина в фартуке готовит завтрак, – мечтательно протянула Вера.

– Начнем с того, что я уже пообедал. Ты проспала целый день. Но я подумал, что супом угощу тебя попозже, а пока решил пожарить яичницу. Ты как?

– Валяй, я сейчас слона съем.

Вера продолжала с умилением наблюдать за хозяином квартиры.

– А шарфик зачем нацепил? Тут тепло. – Поверх домашней футболки у Пахома действительно был намотан легкий шарф. – Хочешь походить на итальянского шеф-повара? – веселилась она.

– Я в магазин ходил, – серьезно ответил Пахом и кивнул на пакет, стоящий в углу. – Там для тебя кое-какая одежда, в том числе нижнее белье, так что можешь одеться.

– Спасибо, мне и так комфортно пока. Да и у тебя, наверное, не часто по дому расхаживают полуголые красотки, которым ты готовишь завтрак, – заговорщически подмигнула Вера. – Так что продлю тебе удовольствие. Можешь даже вообразить себе, что развлекался со мной всю ночь. Разрешаю, – прыснула она.

В ответ перед ней на стол упала тарелка с чуть подгоревшей глазуньей.

– Приятного аппетита.

– Ну ладно, не злись. Будет и на твоей улице праздник.

– Меня волнует вопрос, что делать с тобой дальше.

– Сейчас я позавтракаю – кстати, вкусно, еще и с сыром, м-м-м!.. – рассуждала Вера, уплетая за обе щеки. – Потом схожу наконец в душ. А потом ты отвезешь меня к Антону. Тачка у тебя есть?

Пахом смотрел на нее устало, не веря в столь легкое избавление от нежданной гостьи.

– И все?

– Ну как все? Потом вернемся к тебе и будем думать, как нам разгребать все дерьмо, в которое я влипла.

– Нам? Что-то я не понял. Я думал, вам с Антоном.

– Нет. К Антону мы едем за другим. Сам все увидишь. Я уже все придумала. Сведу его с ума за предательство.

Пахом в очередной раз закатил глаза и принялся заваривать чай для своей гостьи.

– Ну и? – поинтересовался Пахом, припарковавшись спустя несколько часов там, где указала ему Вера.

– Теперь ждем. Дома его нет.

– С чего ты взяла?

– Свет не горит.

– И сколько ждать?

– Не знаю. Сколько нужно.

– А если он не придет сегодня?

– Если он посмел загулять на следующий день после моей смерти, то я ему просто голову оторву.

После этого замечания Пахом напрягся и замолчал. Вера тем временем принялась снимать с себя одежду.

– Жарко? Давай печку убавлю.

– Нет. Мне нужно подготовиться.

– Что ты задумала?

– Хочу, чтобы он увидел меня именно такой, какой оставил в морге.

– Мертвой?

– Нет. Обнаженной.

Вера сняла всю одежду и, накинув на плечи пальто, принялась ждать.

– Ничего что на улице минус десять? – опасливо покосился на нее Пахом.

– Это не займет много времени. А я в юности ныряла в прорубь на Крещение. Хотя вчера в морге было все равно холоднее. О, такси! Это он!

Вера скинула пальто, в чем мать родила вышла из машины и пристроилась за углом дома. Прислонив указательный палец к губам, она выпучила глаза и замахала в сторону Пахома. Тот погасил фары, выключил зажигание и принялся наблюдать за разворачивающейся на его глазах трагикомедией, разыгрываемой полоумной девахой.

Молодой человек, которого вчера Пахом видел в морге, покачиваясь, вышел из такси. Еще с минуту, держась за дверь, он расплачивался с водителем, после чего, пошатываясь, направился к подъезду.

– Твой выход, детка, – Пахом, зарядившись Вериным энтузиазмом, довольно потер руки.

Обнаженная девушка с длинными темными волосами появилась из-за угла дома и окликнула молодого человека. Тот остановился, замер и долго вглядывался в ее черты. Пахому показалось, что Антон пустил слезу. Вера протянула руки вперед и медленно, как будто плывя по снежному насту, направилась в его сторону. Ее губы едва заметно шевелились – она что-то шептала. Пахом готов был аплодировать стоя. Панночка из гоголевского «Вия» нервно курит в сторонке по сравнению с сегодняшним выходом Веры. Антон что-то сказал в ответ, всего одно слово, и скрылся в подъезде.

Пахом, не выдержав, вышел из машины и протянул Вере пальто. Она, довольная, бросилась ему навстречу.

– Ты, оказывается, трезвая такая же дурная, как и пьяная.

– А ты меня еще и не видел пьяной, – парировала Вера, просовывая окоченевшие запястья в рукава.

– Боже упаси! – рассмеялся Пахом.

– И все же, мой театральный дебют нужно обмыть, – заключила Вера, сев в машину.

– Мне пора на смену.

– Окей, я с тобой. Только за вискарем заедем по дороге, а то местное пойло я пить больше не хочу.

Пахом понимал, что сопротивляться бесполезно.

– Что он сказал тебе?

– Кто?

– Антон. Он что-то сказал, перед тем как уйти.

– А-а, – протянула Вера. – Я позвала его с собой. А он сказал: «Прости».

Девушка задумчиво уставилась в окно. Пахом понимающе кивнул.

6

Всю жизнь ночами мы привыкаем к смерти…

Лех Конопиньский

Заливисто хохоча, Вера впорхнула в помещение морга, сжимая в одной руке открытую бутылку шампанского, во второй – виски.

– Нет, жаль, ты не видел его выражения лица! Просто умора! Я гениальна!

– Тише, – шикнул на нее Пахом.

– А что такое? Боишься, что разбудим еще какую-нибудь сумасшедшую вроде меня? Не-е-ет, я одна такая!

– Просто хочу убедиться, что нас здесь никто не ждет.

– А, ты про вчерашних бугаев? Погоди, сейчас накрою нам на стол, и будешь рассказывать мне про них.

В морге больше никого не было. В уже знакомой подсобке Вера нарезала сыр, открыла банку оливок и помыла фрукты.

– Профессионально и быстро, – присвистнул Пахом.

– В общежитии при питерской консерватории в начале двухтысячных такой стол показался бы пиром.

– Ты училась в консерватории?

– Нет, мой бывший муж учился.

– А теперь с ним что?

– Спился.

– А-а, я б тоже спился, – понимающе кивнул Пахом.

Вера хлопнула его по плечу.

Едва они уселись за стол, с улицы послышались звуки подъезжающей машины. Пахом нервно встал и прильнул к окошку.

– Новое поступление? – разочарованно протянула Вера.

– Хуже, – выдохнул Пахом.

Вера попыталась встать, чтобы тоже выглянуть в окно, но Пахом приказал ей сидеть:

– Если не хочешь остаться здесь навсегда, то не двигайся с места и веди себя тихо, как мышь. Я закрою тебя здесь на некоторое время. Не высовывайся.

– А что, если…

Пахом повернул к ней искаженное то ли злобой, то ли страхом лицо:

– Он сам приехал сюда, ты понимаешь?

– Кто? – прошептала Вера.

Но ответа не последовало. Дверь захлопнулась с той стороны, и несколько раз лязгнул замок.

Пахома не было почти полчаса. Вера все это время провела, прилипнув к окну, чтобы отследить таинственного посетителя, когда тот будет уходить. С позиции «крота» ей плохо удалось разглядеть гостя, тем более что он сразу нырнул в свой дорогущий автомобиль. На этот раз не «Мерседес», а что-то вроде «Бентли». Это был высокий статный мужчина, силуэт которого показался Вере смутно знакомым. Она с удивлением задумалась, что может быть общего у этого состоятельного господина и работника морга, и даже едва успела занять свою изначальную позицию до того, как вернулся Пахом.

– Собирайся, едем домой.

– А как же дежурство?

– Есть дела поважнее. Да и они не перестанут сюда шастать.

– Может, объяснишь?

– Все дома.

– Брать с собой что-нибудь?

– Как хочешь.

На всякий случай Вера сгребла со стола недопитые бутылки и поспешила за Пахомом на выход.

– Что ж, идея неплохая. Дома будет поуютнее. К тому же я еще твой суп не пробовала.

Пахом молчал всю дорогу, о чем-то размышляя.

Зайдя в квартиру, Вера не выдержала:

– Ну что? Намолчался?

Не говоря ни слова, Пахом отодвинул Веру от двери и закрыл ее на все замки.

– Кто это был? – не унималась она.

– Ты разве не смотрела в окно, когда он уезжал?

– Смотрела, но не успела разглядеть. А я должна была его узнать?

– Это Герман Фишер.

Пахом разулся, повесил куртку и, не снимая шарф, проследовал в кухню. Вера сбросила пальто, сапоги и посеменила за ним.

– Точно! И что столь уважаемый человек забыл в твоем морге?

– Ты же должна была с ним встречаться? Вернее, он с тобой? При каких обстоятельствах? – В глазах Пахома читался живой интерес.

– При обычных. Он приходил ко мне на интервью. Насколько я помню, это известный ученый и врач-трансплантолог. Но на той передаче мы обсуждали какие-то новые вакцины от гриппа. А для зрелищности сделали прививку прямо во время эфира. Мне.

– Смело, – усмехнулся Пахом.

– Что именно?

– Он устроил смотрины на глазах у всей страны. Еще и почву подготовил.

– У тебя «белка», что ли? – раздраженно спросила его Вера.

– А что было потом? После интервью.

– В смысле? Он уехал. Как все.

– И больше никаких контактов с ним не было?

– Нет.

– А где ты была позавчера? Перед аварией? Что вы делали с Антоном?

– Мы ужинали в ресторане. Какого черта? Что за допрос? – взорвалась Вера, но тут же осеклась. – А, вот оно что…

– Что? – Пахом напрягся.

– Туда нас пригласил Фишер, – задумчиво произнесла Вера. – Вернее, меня. После интервью он вручил мне приглашение на двух персон. Сказал, что этот ресторан они открыли недавно вместе с женой и были бы очень рады видеть меня там с моим спутником. Но ни Фишера, ни его жены в тот вечер в ресторане не было.

– Еще бы она там была, – ехидно усмехнулся Пахом.

– Я слышала, что она больна. Но подробностей не знаю. Так какая связь между всеми этими событиями?

Пахом молча выхаживал по маленькой кухне.

– Ну пожалуйста, я устала и хочу домой! – взмолилась Вера. – В понедельник у меня съемка. Можем мы уже покончить со всем этим дерьмом?

– Боюсь, что все только начинается, Вера. Никто не собирается на этом останавливаться. – Пахом наконец-то перестал наматывать круги, облокотился о стол и с сочувствием добавил: – Тебе чертовски не повезло, детка.

– Валяй, рассказывай, – смиренно приготовилась слушать Вера.

7

О смерти люди говорят и знают, что она неизбежна, но никто в нее не верит, поскольку она лежит за пределами понятий о жизни и обусловлена самой жизнью.

Смерть нельзя постичь.

Эрих Мария Ремарк «Тени в раю»

– Герман и Элла Фишеры познакомились на первом курсе мединститута, когда им было по восемнадцать лет. Как уселись за одной партой на первой же лабораторной, так больше и не расставались. В двадцать поженились. Детей у них нет. Все свое время и свою любовь они отдают единственному общему детищу – медицине. Прорыв за двадцать пять лет совместной жизни и работы ими был совершен колоссальный. Перечислю лишь некоторые достижения.

Первое изобретение облегчило жизнь паралитикам. Теперь с помощью встроенного чипа, который изобрели супруги Фишеры, прикованный к кровати или инвалидному креслу человек может управлять своим телом одной силой мысли, минуя спинной мозг. Электронный датчик размером с горошину

имплантируется в моторную кору головного мозга. Чип распознает сигналы и передает их на переносной компьютер, который считывает их и посылает на специальный корсет, который носит пациент. Так нужные мышцы приводятся в действие. Весь процесс занимает доли секунды. Однако, чтобы добиться такого результата, команде пришлось изрядно потрудиться.

Быстрее и легче оказалось раз и навсегда побороть вреднейшую привычку человечества – курение. Оказывается, существует вид бактерий, питающихся никотином. При вводе бактерии в организм курящего человека она начинает разрастаться. Таким образом, человек, решивший завязать с курением, избавляется от вредной привычки. Кому захочется выращивать в себе всякую гадость?

Про создание универсальной вакцины от всех видов вируса гриппа тебе уже известно. Кроме того, вот-вот решится проблема лечения болезни Паркинсона. Найдена возможность заменить больные, поврежденные нейроны здоровыми клетками, которые смогут справиться с болезнью, восстановив поставку в мозг дофамина.

– Эй, – перебила его Вера, – ты не забывай, что я, в отличие от вашей расчудесной троицы, медицинских институтов не кончала.

– Хорошо, дальше проще. Фишерам удалось сгенерировать искусственный глаз, способный посылать хороший сигнал в головной мозг. Достигнут прогресс в обезболивании. Теперь можно использовать обычный свет для облегчения боли, при этом применять лекарства с меньшими побочными эффектами. Вполне вероятно, что после дополнительных экспериментов свет сможет полностью заменить лекарства.

– Это все прекрасно и удивительно, но объясни, для чего мне нужно пропитываться благоговейным трепетом к этим людям?

– Не торопись с выводами. Не будем забывать, что Герман Фишер – в первую очередь гениальный трансплантолог. На его счету сотни успешных операций. Сотни донорских органов прижились в телах нуждающихся реципиентов.

Вера поморщилась. Пахом пояснил:

– Донор – тот, кто отдает орган, реципиент – тот, кто принимает. Фишеры давно и успешно справляются с пересадкой внутренних органов. Первым громким прорывом в пересадке частей тела стала пересадка двух донорских кистей рук девятилетнему мальчику из Иркутска. После серьезной инфекции, перенесенной в двухлетнем возрасте, ему пересадили почку и провели двойную ампутацию рук. Хирургическая бригада собрала воедино кости, кровеносные сосуды, нервы, сухожилия и присоединила кисти рук во время сложнейшей десятичасовой операции. Так он стал первым ребенком в мире, прошедшим процедуру по двусторонней трансплантации рук. После операции мальчик нуждался в ежедневных иммунодепрессантах, а также проходил физиотерапию, чтобы максимально восстановить функциональность кистей.

Реципиент вынужден до конца жизни принимать лекарственные препараты и проходить терапию, чтобы минимизировать риск отторжения донорской ткани. Чтобы правильно дозировать иммунодепрессанты, назначенные пациенту после пересадки, важно оценить степень отторжения. Да, препараты снижают риски отторжения, но в то же время подавляют иммунитет. Неточное дозирование – основная причина неблагоприятных последствий трансплантации, но Фишер научился определять пропорцию практически безошибочно, – торжественно объявил Пахом.

– Браво! А ты чего так радуешься по этому поводу? – Вера со скучающим видом потягивала виски из керамической кружки.

– Я уже понял, что впечатлить тебя практически невозможно, но уверен, скоро ты признаешься, что потрясена. Вернее, я увижу это по твоим глазам. – Пахом с многообещающим видом прищурился и продолжил: – В студенческие времена я зачитывался работами Фишера и пристально следил за его успехами. Могу говорить об этом бесконечно, но для тебя попытаюсь максимально сократить курс.

Большим спросом в практике Фишеров пользуется такая процедура, как пересадка лица. Люди, пострадавшие от сильных ожогов, операций, нападений животных и потерявшие часть лицевой ткани или всю кожу, непременно обращаются к Герману Фишеру. Первую операцию он провел на женщине, которая была изувечена собакой. Из двадцати шести последующих трансплантатов четверо реципиентов умерли, а остальные всю жизнь должны принимать иммунодепрессанты, что сказывается на здоровье. Но Фишер со временем научился сводить их вредное действие к минимуму. Он не бросил ни

одного из своих пациентов. Как только ему удавалось найти способ усовершенствовать посттрансплантационную терапию, он сразу же связывался со всеми. Одна из самых продолжительных операций по пересадке лица продлилась тридцать шесть часов. Пациенту из Англии заменили кожу от линии роста волос до шеи. Бедолага пострадал от пулевого ранения, которое оставило его без зубов, носа и части языка. Сейчас он восстановил лицевые ощущения, может улыбаться, ощущать запах, вкус, есть, и он учится разговаривать.

– Меня сейчас стошнит. Обязательно все это слушать?

– Еще немного потерпи, и я лично подержу твои прекрасные волосы, когда тебя начнет выворачивать наизнанку.

Вера отодвинула стакан с виски, в горле образовался ком.

– Ну и следующим событием в карьере Фишера стал феноменальный эксперимент по пересадке человеческой головы.

– Ладно, валяй. Вешай мне лапшу на уши, если тебе это так нравится. Все равно я ни за что не поверю в этот бред.

– Это не бред, а колоссальный прорыв в медицине. И возможность дать человеку шанс на полноценную жизнь.

– Ага, одним спасут жизнь, а у других отнимут. Вот сиди и гадай, хватит у тебя денег на новый орган? Или ты, наоборот, пойдешь в расходный материал? Убей одного для того, чтобы спасти другого – вот один девиз трансплантологов. Деньги не пахнут и бога нет – два других.

– А ты проницательна.

– А ты думал, совсем дуреха перед тобой? Тоже институт окончила, хоть и не мед.

– Ну отчего же сразу «отнимут»? Рассмотрим ситуацию смерти от черепно-мозговой травмы, когда тело остается целым.

– Когда на кону миллионы долларов или евро, никто не будет ждать подходящего донора. Но в любом случае пересадка головы – это уже чересчур.

– Ну почему же? Первую операцию по пересадке головы обезьяне провели еще сорок пять лет назад. Это широко известный в узких кругах факт. Фишер также тренировался на обезьянах, мышах и трупах.

До этого времени не существовало способа успешно отсоединить спинной мозг, но последние достижения сделали такую процедуру возможной. Именно благодаря ей теперь можно по-новому бороться со смертельными заболеваниями. Несведущему человеку сложно такое представить, но здоровую голову можно буквально отделить от больного тела и присоединить к здоровому.

Перед операцией тела пациентов охлаждают до восемнадцати градусов Цельсия. Затем извлекают спинной мозг и заменяют его другим. Новое тело и голова склеиваются с помощью неорганического полимерного клея. В основе лежат опыты на собаках и других животных. Сложность состоит в том, чтобы обратно соединить каждую артерию, мышцу и реанимировать другие связи. Но Фишер посчитал достаточным восстановить только несколько из них, чтобы пациент смог в какой-то степени управлять своим передвижением. Затем с помощью электрической стимуляции спинного мозга нервные клетки обучаются новым функциям. Головы нужно удалить одновременно и вновь соединить в течение часа, так как это самое долгое время, в течение которого мозг человека может оставаться без постоянного потока крови и кислорода. Новое тело, как правило, берется от донора с мертвым мозгом, но здоровыми органами. Донором может стать человек, попавший в аварию, страдающий неизлечимой формой рака или даже заключенный, приговоренный к смерти.

После соединения мышц и кровеносных сосудов пациента вводят в кому на четыре недели, чтобы на то время, пока голова и тело будут заживать, он не шевелился. После пробуждения он должен быть способен двигаться, чувствовать свое лицо и даже говорить тем же голосом. Такие операции дают надежду тысячам парализованных и нетрудоспособных людей.

– И при чем здесь я? В чем заключается мое невезение?

– Это самое сложное… Рассказать живому человеку о таком.

– Ладно, не ломайся, какие еще гадости у тебя в арсенале? Выкладывай.

– Оговорюсь сразу, что я практически ничего не знал до сегодняшнего дня. Не знал подробностей на твой счет, – дальнейшее ораторство давалось Пахому явно с большим трудом. – Следует начать с того, что случилось с женой Фишера, – поймав возмущенный взгляд Веры, он пояснил: – Это уже напрямую касается тебя, поверь. Так вот, три года назад в семье Фишеров случилась страшная трагедия. Супруги путешествовали по Европе на автомобиле, и на одном из серпантинов Герман не справился с управлением. Автомобиль сорвался с обрыва и загорелся. Герман был не пристегнут и вылетел через стекло, а вот Элла, его жена, сильно пострадала. Ее жизнь удалось спасти, но сто процентов тела было изуродовано ожогом первой степени. Борьба за ее жизнь была долгой и непростой, а когда угроза миновала и стало понятно, что Элла будет жить, много времени ушло на восстановление нормальной жизнедеятельности ее организма. Работа в лаборатории Фишеров встала почти на два года. Никаких новых открытий, операций, все силы Герман направил на лечение жены. Ну и конечно, им обоим довольно скоро стало понятно, что все их последние совместные достижения и изобретения носят судьбоносный для них самих же характер. После ряда успешных и не очень операций по пересадке не просто органов, но и целых частей тела, следующим и главным пациентом Германа станет его жена Элла Фишер. На ранней стадии реабилитации Фишер заменил ей несколько внутренних органов, но для более серьезных операций организм Эллы должен был как следует окрепнуть. А в это время им было чем заняться: поиск подходящего донора – долгий и хлопотный процесс. В свои сорок, когда случилась трагедия, Элла выглядела потрясающе: стройная, красивая моложавая женщина. В общем, планку они задали высокую.

– Я извиняюсь, а какую часть тела они для нее ищут? Что-то я не совсем догоняю.

Пахом вздохнул и не моргая уставился на Веру:

– Легче сказать, какую часть тела они не ищут. Им нужно практически все, кроме чужого мозга. То есть они просто подыскивают подходящее тело. И естественно, оно должно устраивать их обоих. Их любовь, конечно, очень крепка, но Элла отдает себе отчет в том, что если тело ее донора будет недостаточно привлекательным, то рано или поздно Герман потеряет к ней интерес как к женщине. В общем, вариантов, не противоречащих этическим нормам, практически не попадалось, несмотря на то, что Фишер активно

мониторил всех пациенток женского пола, чей мозг по каким-либо причинам прекратил свою жизнедеятельность. Но шли месяцы, Элла крепла, и теперь она практически готова к операции. В общем, супруги решили, что могут позволить себе такую роскошь, как выбор совершенно здорового и жизнеспособного тела в качестве донора. Все-таки операция предполагается очень сложная, двухэтапная. Поскольку пересадка головного мозга пока не представляется возможной, придется сначала пересадить голову Эллы на тело донора, а затем провести пересадку лица и скальпа донора на ее голову. Это жуткое на первый взгляд мероприятие можно оправдать, ведь польза от Эллы в здоровом теле в дальнейшем, несомненно, перекроет столь маленькую жертву. Несравненно больше людей погибло и лишилось помощи, пока Элла не ассистировала Герману и не вдохновляла его. С новыми силами они спасут сотни, а то и тысячи жизней.

Пахом заметил, что Вера побледнела, и замолчал.

– Так это я? – прошептала она белыми губами. – Они выбрали меня?

– Вы с Эллой похожи, как близнецы, – смиренно ответил Пахом, как будто испытывая некоторое облегчение от того, что Вера сама догадалась, к чему он вел все это время.

– Были похожи, – поправила она.

– Да, особенно когда Элла была моложе. Я видел фото. Это действительно так. Как только они впервые увидели тебя в эфире, все сомнения отпали раз и навсегда. Элла грезит твоим телом, твоим лицом, волосами, а Герман не собирается ей отказывать. Несмотря на то что решение было принято на девяносто девять процентов, Герман пришел к тебе на передачу познакомиться лично, после чего окончательно утвердился в выбранной кандидатуре.

– Для этого я оказалась в морге? А ты тот самый курьер, который должен был передать ему трофей в виде моего тела?

– Не совсем. Я действительно не знал, что ты не совсем мертва.

– В смысле? Я была жива!

– Не совсем, – повторил Пахом. – Препарат, который попал в твой организм, когда ты ужинала в ресторане Фишера, должен был вызвать что-то вроде клинической смерти, а точнее – состояние, при котором все жизненные процессы замедляются настолько, что даже опытный врач не обнаружит у тебя признаков жизни. Препарат должен был действовать двадцать четыре часа. В рамках этого времени Фишер планировал провести операцию, предварительно восстановив нормальную жизнедеятельность с помощью электрошока.

Но с самого начала все пошло не так. Сначала ты умудрилась попасть в аварию. Фишер решил, что все пропало, изувеченное или травмированное тело ему уже ни к чему. Но на его счастье, в аварии ты не пострадала. В итоге этот факт даже сыграл ему на руку и отвел лишние подозрения от обстоятельств твоей смерти. Но вот твое пробуждение в морге раньше положенного времени в его планы никак не входило. Только представь его состояние: Элла уже лежит на операционном столе в ожидании донора, а он вынужден сообщить несчастной жене, что донор испарился.

– Я сейчас расплачусь! Что за сучка непутевая им попалась! Может быть, ты потрудишься лучше представить себе мое состояние? Ты знал все с самого начала, ты пособничал убийце!

– Я ничего не знал. Вернее, я был в курсе про поиск донора для Эллы, но не ожидал, что это ты. Даже сходство не сразу заметил. Уж слишком вы разные люди. И я действительно думал, что ты мертва. Я только был предупрежден, что за твоим телом придут рано утром. Но для чего конкретно, не знал. Может, какой-то твой орган кому-то понадобился или еще что… Да, Фишер не просто так устроил меня на этот пост. И в больницах, и в моргах у него свои люди. Но посвящены во все подробности единицы. И я в их число никогда не входил. До сегодняшнего дня. Сегодня он в красках описал мне, какой ценный экземпляр я упустил. Из-за моей безалаберности Элла сейчас в отчаянии. Она и слышать не хочет про другого донора.

– Не строй из себя святошу. Ты предупредил меня о том, что вскрытие состоится независимо ни от чего, если я вовремя не испарюсь. Это были твои слова. Ты знал, что тот факт, что я жива, не помешает им выпотрошить из меня нужный орган. Значит, подобные прецеденты случались. Но ты дал мне уйти. Пусть даже ничего не объяснив. Ты и сейчас не выдашь меня. Ты же ничего не сказал ему про меня, значит, ты на моей стороне и отдаешь себе отчет в том, как жестока и бесчеловечна их задумка.

– В целом да, но что бы я ни думал, мои обязательства перед Германом и Эллой выше любых моих соображений. Изначально я подозревал, что ты представляешь какую-то ценность для него, но раз ты ожила, решил тебе помочь, надеясь, что про тебя скоро забудут, найдя подходящую замену. Но сейчас я понимаю, что этого не произойдет. Он тебя из-под земли теперь достанет. И мне поставил такую же задачу.

– Но ты не сдал меня. И не сделаешь этого. Ты не посмеешь.

Пахом молчал, уставившись в одну точку.

– Пахом! Очнись! Чем таким ты им обязан, что готов стать соучастником резни, которую они готовят?

Пахом посмотрел на нее с болью и жалостью. Собравшись наконец с мыслями, он изрек:

– Всем, что ниже шеи, – он медленно начал разматывать цветастый шарфик, который Вера совсем недавно обсмеяла. – Вот.

Чуть выше линии ворота футболки ее контуры повторял белый рубец, окольцовывающий шею Пахома. Вера прикрыла руками рот, но рвотные позывы оказались сильнее. Она вскочила со стула и скрылась в туалете. Пахом с досадой выдохнул и поспешил вслед за ней. Намереваясь выполнить свое обещание, он попытался помочь несчастной девушке не искупать волосы в унитазе, но Вера нечеловеческим голосом завопила:

– Уйди, урод! Не прикасайся ко мне! Чудовище, недоносок, ошибка природы!

8

Сильные и жестокие не умирают своей смертью.

Лао-цзы «Дао дэ цзин»

Этим вечером Антон резко поменял свои планы на ближайшее будущее. Если еще утром он не знал, что делать и куда идти, то теперь он твердо намеревался пойти на похороны Веры. И в церковь. Он завтра же пойдет в церковь. Там у служащих он узнает, как ему следует себя вести, куда ставить свечку и прочее. Нужно немедленно успокоить – то ли ее душу, то ли свою психику. Ну и первым делом бросить пить. В общем, исключить все возможные причины сегодняшнего помутнения рассудка.

Алкоголь тут скорее всего ни при чем. Антон всегда сохранял ясный ум независимо от количества выпитого. Однако если сегодня с ним приключилась галлюцинация, то спиртное определенно могло усилить эффект. Сойти с ума в тридцать два года в его планы никак не входило. Поэтому не помешал бы еще визит к психологу, но от этой мысли Антон поморщился. Это подождет.

А если и впрямь верна теория о том, что душа не покидает землю первые девять дней после смерти и сохраняет при этом телесный образ, то он вообще здорово облажался. Вера скорее всего стояла за его спиной, когда он в морге сказал, что не знает ее. Конечно, Антон не верил в потусторонние силы, и в бога в том числе, но и расписаться в собственном безумии готов не был.

Как бы то ни было, сейчас ему просто хотелось поступить правильно и достойно проводить Веру в последний путь. Сразу после церкви он заедет в морг, где и узнает время и место похорон.

9

Рождение – не начало; смерть – не конец.

Существует безграничное бытие; существует продолжение без начала. Бытие вне пространства.

Непрерывность без начала во времени.

Чжуан-цзы

– Как тебя угораздило? – Вера сидела, закутавшись в плед, и сжимала все еще трясущимися пальцами чашку с мятным успокоительным чаем.

– Началось все с того, что природа и впрямь сыграла со мной злую шутку. Диагноз мышечной атрофии мне поставили в возрасте одного года, болезнь прогрессировала. Мышцы не росли, костная система деформировалась, мышцы спины не поддерживали позвоночник. Большинство людей с этим заболеванием живут не больше двадцати лет. Я провел в инвалидной коляске двадцать три года. Тело мое за это время практически не росло, только все больше деформировалось. Но я окончил школу и зачем-то даже поступил в институт. Будучи студентом, я впервые узнал о достижениях Фишеров и долгие годы пристально следил за их изысканиями. Собственно, только благодаря вере в их медицинские открытия и перспективы я протянул дольше, чем мне отводили медики.

Когда Фишер впервые объявил о намерениях провести операцию по пересадке человеческой головы, я сразу связался с ним и заявил о своей готовности к операции. Терять мне было нечего, мое состояние стремительно ухудшалось с каждым годом. Мне повезло, Фишер и сам настаивал на том, чтобы первыми пациентами были люди, страдающие от моего заболевания.

Ты не представляешь, какими новыми, яркими красками заиграла моя жизнь, когда Герман Фишер лично прислал мне билет на самолет! Я тогда жил в Воронеже. По дороге в Москву я не чувствовал ни страха, ни отвращения, ни брезгливости по отношению к предстоящей процедуре. Это вам, людям, которые в первый же год жизни научились самостоятельно сидеть, ходить, держать ложку с вилкой, затем бегать и прыгать, может показаться дикой сама эта затея.

– Ой, только вот не надо сейчас давить на жалость и взывать к моему чувству вины за мою собственную полноценность!

– Да нет, что ты, я и обиженным ни на кого никогда не был. Ни на родителей, ни на природу. Принимал как данность свое состояние. Но с появлением надежды на совершенно новую жизнь я просто обезумел от счастья. Уверен, что некоторые здоровые люди вообще никогда не испытывали такого восторга.

– И в чем же прелесть твоего существования? Морг, эта хрущевка…

Пахом усмехнулся:

– Узко мыслишь. Ты задаешься вопросом, как я живу без плотских утех, без аппетитных полуголых телочек вроде тебя, разгуливающих по моей квартире. А я думаю о том, как был бы несчастен человек, в частности мужчина, если бы только это и доставляло ему удовольствие. Есть миллион вещей, которые приносят мне не меньшее наслаждение. Даже просто стоя у плиты, я радуюсь. Просто потому что стою. Что бы я ни делал последние пять лет своей новой жизни, каждое движение приносит мне истинное наслаждение. И пожалуй, я довольно много лет провел в инвалидной коляске с пятнадцатикилограммовым телом, которое больше походило на мешок с хрящами, чтобы теперь, обретя новое здоровое тело, никогда не разучиться радоваться простым вещам.

– А ты хоть раз поинтересовался, кому принадлежало твое новое здоровое тело?

– Когда я приехал в Москву, подходящего донора в наличии не было, и мы стали ждать. Мне повезло, если можно так выразиться – спустя пару месяцев в больнице от черепно-мозговой травмы скончался спортсмен с атлетическим телосложением.

Вера скептически оглядела Пахома с ног до головы, вернее, до шеи. Поймав ее взгляд, тот пояснил:

– Кома, являющаяся, как я говорил, необходимостью после операции, а также прием иммунодепрессантов сильно истощили тело. Но с каждым годом доза снижается, и у меня еще будет шанс привести это тело в первоначальную форму. Как оно выглядит, сейчас для меня дело десятое. Однако, скажу честно, такую цель себе на будущее я поставил. Тебе понравится, – подмигнул он.

– Ага, если ты не скормишь меня своему профессору Преображенскому раньше.

– Да уж, – не слишком обнадеживающе ответил Пахом. – Я так воодушевился повествованием о своем чудесном перевоплощении, что совсем забыл про твою проблему.

Вера наконец опустошила чашку с успокаивающим напитком и с раздражением поставила ее на стол. Это надо же быть такой непробиваемой дурой! Нужно было вчера бежать к Антону со всех ног вместо того, чтобы изображать из себя

покойницу. Ею она и так скоро станет. Пахом играючи предоставил ей возможность спасения, но, очевидно, предвидел, что у нее хватит дури ею не воспользоваться.

– И что теперь? Ты поможешь решить ее? – без особой надежды спросила Вера.

– Я бы рад. Я и пытался помочь. Пока не узнал, что тем самым приношу вред Элле. Она была очень добра ко мне. Трепетно ухаживала за мной во время послеоперационного периода. Все-таки я один из первых удачных экспериментов. А она стала для меня кем-то вроде второй матери. Ее лицо было первым, что я увидел, когда очнулся от комы. Ее прекрасное лицо, – мечтательно повторил Пахом. – Меня практически невозможно расстроить или вывести из равновесия. Я настолько благодарен жизни за то, что имею, что всякие мелочи, трагичные для обычного человека, для меня ничтожны. Но, узнав о несчастье, случившемся с Эллой, я горевал по-настоящему. И когда Герман посвятил меня в свои планы, я поклялся сделать все от меня зависящее, чтобы им помочь.

– Как трогательно! Сейчас расплачусь! Мистер Франкенштейн, его вновь обретенные родители и вся фигня! Пахом, милый, прав ты только в одном. Ты для них – не более чем успешный эксперимент, кусок мяса, который они удачно перекроили. А если б тебе повезло меньше и где-нибудь оторвался непутевый тромб, то бесполезные останки того несчастного атлета сгребли бы с операционного стола, и они бы, как и твоя голова, не вызвали бы у них никаких эмоций, кроме досады по поводу очередной неудачи. Никто бы не скорбел о тебе и не вспоминал. Твоя любовь к этим людям, твоя преданность им – не оправданы.

– Твои мотивы мне понятны. Естественно. Но мне нужно подумать. Поспи пока.

– Черта с два! – Вера скинула плед и резко поднялась.

– Ты поспишь, – настойчиво повторил Пахом.

И правда, голова у Веры закружилась, перед глазами начали лопаться разноцветные пузыри, а голова Пахома отделилась от туловища и закружилась в воздухе.

– Ах ты, засранец! – проговорила она из последних сил. – Подсыпал мне отраву в чай…

10

Смерть вовсе не печальна, печально то, что некоторые люди не живут вообще.

К/ф «Мирный воин»

Антон никогда не вставал по воскресеньям так рано, как этим утром. При этом он не почувствовал ни сонливости, ни похмелья. Он был полон какой-то новой светлой энергии и решимости разгадать вчерашнюю головоломку, он был пропитан чувством долга перед Верой. И хотя сейчас молодой человек уже вполне допускал мысль, что увиденное было лишь миражом, его не покидало твердое убеждение в том, что ему нужно почтить уход Веры по всем правилам.

Выходя из подъезда, Антон посмотрел туда, где вчера ему привиделась Вера. Ночь была бесснежной, и на месте, где она стояла, старый снег все еще был примят. Следы были четкие и мелкие, как будто принадлежали животному или босому человеку, прошедшемуся на цыпочках. Покачав головой, Антон решительно направился в сторону такси.

В ближайшем церковном дворе было тихо и благостно. Из храма доносились приглушенные песнопения воскресной службы. Еще пару дней назад Антон, жизнь которого состояла преимущественно из работы, тусовок, секса и алкоголя, представить себе не мог, что окажется в подобном месте один и по собственной воле. Он чтил традиции, возил в церковь маму, крестил племянников, но сам был далек от духовной жизни.

На минуту им снова овладел страх: его заботы сейчас были связаны с Верой, и это грело душу, но уже завтра ее закопают в землю, и все, что у него останется – это память. Он даже поймал себя на мысли, что был бы рад ее очередному пришествию. Но для этого нужно понять его природу.

Пригнувшись под низким дверным косяком, Антон зашел в уютную церковную лавку. Приятно пахло ладаном, воском, деревом и книгами. Не зная, с чего начать, он покашлял. Тоненькая старушка в цветастом платке перестала копошиться под прилавком и обратила на него внимание. В углу на стуле сидела девушка и склеивала старые книги. Она проигнорировала появление молодого человека.

– Мне нужно почтить память усопшей, – обратился он к старушке.

– Когда преставилась?

– Позавчера. Свечку поставить, записку написать… – Антон начал перебирать в памяти известные ему мероприятия. – Всякое для успокоения ее души, – попытался объяснить он. – Мне кажется, она еще где-то рядом, ее душа.

Старушка, кивая, но не глядя на посетителя, отсчитывала кривыми пальцами свечи, а девушка, сидящая в углу, наконец подняла заинтересованный взгляд.

Антон написал записку по указанию старушки и расплатился за свечи.

– Дашка, проводи человека, покажи, где свечи поставить и где помолиться, – обратилась старушка к девице, проникшись растерянностью Антона.

Девушка отложила книги, накинула на голову шерстяной платок и вынырнула на улицу. Антон поспешил за ней. Оказавшись снаружи, та замедлила шаг и внимательно оглядела молодого человека:

– Меня зовут Даша, – представилась она.

Антон невольно присмотрелся к девушке. Ей было не больше двадцати пяти, но из-под платка уже выбивались седые пряди волос. Антона покоробил подобный диссонанс. Он всегда имел дело с очень ухоженными девушками, и он просто не мог найти достойного оправдания молодой особе, которая настолько себя запустила. Одета она была тоже неважно: длинная серая юбка путалась между ног, сверху был накинут тулупчик из овчины.

– Сожалею вашей утрате, – продолжила Даша.

Речь у нее была ровная и правильная. Интонации успокаивающие.

– Спасибо, – буркнул Антон.

– Вы правильно сказали по поводу ее души. Она определенно еще здесь, среди нас. Очень близко.

Антон остановился и пристально посмотрел на девушку:

– Откуда ты знаешь?

– Я вижу их, – спокойно ответила Даша, убирая с лица седую прядь. – Я работаю при церкви. Когда людей привозят на отпевание, их души, как правило, сопровождают тела.

Девушка улыбнулась краешками губ, пытаясь понять, поверил ли ей собеседник. Антон задумался на несколько секунд, а потом, будто не выдержав, сказал:

– Я видел ее вчера. И хочу увидеть снова, но не знаю, как это сделать.

Даша снова улыбнулась, с облегчением:

– Это непросто, но я расскажу вам. Пойдемте сначала в церковь, это не будет лишним. А потом прогуляемся.

После церкви Антон предложил Даше выпить кофе в ближайшем кафе. Девушка замялась, но согласилась, заметив, что ее собеседник слишком легко одет для зимних прогулок.

11

Говорят, что каждый человек в момент смерти теряет 21 грамм. Столько весит горстка монет в пять центов, плитка шоколада, птица колибри. Независимо от того, боитесь вы смерти или нет, она приходит, и в этот момент ваше тело

становится на 21 грамм легче.

Быть может, это вес человеческой души?

К/ф «21 грамм»

– Очень часто мы теряем своих родных и любимых, даже не попрощавшись с ними, не сказав чего-то главного. При этом тот, кто продолжает жить, зачастую испытывает тягостное чувство вины либо сгорает от желания высказать невысказанное. – Еще не дождавшись заказанного чая, Даша принялась посвящать Антона в азы теории взаимодействия с душами умерших, активно жестикулируя руками и растопырив тонкие пальцы с короткими неухоженными ногтями. – В свою очередь для человека, которому приходится покидать этот мир внезапно – например, в результате убийства или аварии, – очень сложно поверить в произошедшее, отделиться от своего тела, оторваться от земли и беспрепятственно перейти в мир иной. Его связь с телом еще очень сильна, это ведь его тело, в котором он собирался жить еще много лет, получать плотские удовольствия, воспроизводить с его помощью потомство. Старикам проще покидать свое больное и дряблое тело.

– Мы плохо расстались с Верой, – признался Антон, помешивая кофе маленькой ложечкой. – Мало того, что я никак не воспрепятствовал, а скорее, даже поспособствовал случившейся трагедии, я еще и умудрился обидеть ее после смерти.

– Ко мне часто обращаются родственники и приятели умерших. Многих волнует, что их ушедшие друзья или родные сердятся на них за что-то. За то, что они не оставались рядом с ними до последнего вздоха; принимали решение, касающееся остановки систем искусственного жизнеобеспечения; вели образ жизни, который покойный бы не одобрил; боролись с родственниками за наследство; могли бы предотвратить смерть, но почему-то этого не сделали; еще не нашли или не привлекли к ответственности человека, который убил или стал причиной смерти близкого человека; поссорились с ним незадолго до его смерти. Но я должна сказать, что за все время моего общения с умершими я ни разу не встретила никого, кто гневался бы из-за подобных инцидентов. На небесах начинаешь понимать истинное значение своих тревог, бывших тягостным бременем на Земле. Спасибо. – Даша поблагодарила официанта за принесенный чай и продолжила: – Там становятся яснее настоящие мотивы поведения, поэтому наши умершие родственники или любимые намного лучше

понимают, почему вы повели себя определенным образом. Они не осуждают, они сострадают. Но вмешаются лишь в том случае, если увидят, что ваш образ жизни убивает вас или мешает выполнению высшей миссии.

– В таком случае ее появление вполне оправдано. Я возвращался в стельку пьяный с вечеринки, – задумчиво проговорил Антон.

Даша удивленно округлила и без того большие серые глаза, обрамленные пушистыми ресницами.

– Да-да, я знаю, – Антон поймал ее осуждающий взгляд. – Я не знал, куда себя деть на следующий день после ее смерти. Но одного ее появления мне хватило, чтобы изменить взгляд на многие вещи. Вчера я опустился на дно, но сегодня уже наслаждаюсь пением церковного хора.

– И все-таки я очень редко встречаю людей, которые могут видеть умерших.

– Со мной такое в первый раз. Но самое удивительное то, что она оставила следы на снегу в том месте, где явилась мне.

Даша кивнула:

– Это тоже редкость. Я не знаю, из чего состоят субстанции, которые мы называем душами, но все они имеют разную плотность. Некоторые из них я вообще вижу только частями. Но иногда этот энергетический сгусток имеет достаточно большую плотность и какое-то время в состоянии воздействовать на объекты материального мира. Все зависит от того, насколько сильно душа привязана к телу и земной жизни, насколько легким будет для нее переход в мир иной. То, что случилось вчера, вовсе не означает, что вы будете видеть и других духов. Просто душа вашей возлюбленной имела огромное стремление явиться вам. И ей это удалось. Возможно, в этом только ее заслуга. И я не желаю ни вам, ни кому-либо другому обладать способностями, подобными моим. Посмотрите, чего мне это стоит, – Даша коснулась пряди седых волос. – После каждой встречи с ними эффект усугубляется.

Антон невольно коснулся своих стильно подстриженных волос.

– Не волнуйтесь, у вас все в порядке, – улыбнулась Даша.

– Это пока, – не к месту усмехнулся Антон. – Ведь в мои планы входит увидеть ее снова.

– К сожалению, по заказу этого не случается.

– А она может быть рядом сейчас?

– Я бы почувствовала, а раз еще и плотность так велика, то уж точно бы увидела. Нет, ее здесь нет.

Антон приуныл.

– А где же она?

– Не расстраивайтесь. Там время и пространство воспринимаются по-другому. К тому же она еще не очень свободно в них ориентируется. Уверена, что вчерашняя вылазка далась ей нелегко.

– Вот именно. А я сбежал, ничего ей толком не сказав. – Антон с досадой сжал голову.

Даша сочувственно кивнула:

– Есть способы достучаться до умерших. Я чаще всего советую такое упражнение: перед сном, когда вы уже в постели, составьте несколько коротких предложений – то важное, что вы хотите ей сказать, и начинайте повторять их про себя без остановки, чтобы вы заснули с этими мыслями. Как только вы уснете, на той стороне она уже наверняка будет вас ожидать, и тогда вы сразу передадите ей то важное, что хотели бы сказать. Только память о вашей встрече вы наверняка не донесете до этого мира и после пробуждения ничего о ней помнить не будете. Но для себя знайте, что ваша любимая получила ваше послание. Для верности делайте это каждую ночь – столько, сколько посчитаете нужным. Когда все вопросы разрешатся между вами, вы почувствуете огромное облегчение, а также перестанете испытывать чувство вины и внутренне будете спокойны, перестанете мучиться недосказанным.

Антон досадно поморщился. Чем больше они говорили об умершей Вере, тем сильнее он скучал и хотел не просто увидеться с ее плотной субстанцией, а быть с ней полноценно, с живой и здоровой. Наблюдая за мучениями молодого человека, Даша сжалилась:

– Она будет на похоронах.

– Что?

– Они всегда приходят в церковь на отпевание и похороны. Там их тело, и там все их близкие. Души практически никогда не пропускают это событие.

– Даша, – с надеждой обратился к ней Антон. – Похороны Веры должны состояться завтра. Я сейчас доеду до морга и уточню время. Не могла бы ты пойти со мной? Если вдруг я не увижу ее, то, может быть, ты могла бы передать ей послание от меня?

– Антон, не стоит смешивать в одну кучу привязанность к умершей и важность вашего послания. Я не думаю, что она держит на вас зло.

– Но вчера она не показалась мне доброй. И вообще, может, она пришла просить о помощи, а не для того, чтобы наставить меня на путь истинный. Обстоятельства ее смерти довольно странны. Я просто боюсь, что она не донесла до меня нечто важное. Я очень тебя прошу. Отблагодарю, как пожелаешь.

– Не стоит. Мне несложно это сделать. Не уверена, что смогу установить с ней контакт, но дам понять, что она может поделиться со мной информацией. Если она не посчитает нужным это сделать, я пойму, что все в порядке.

12

Жизнь и смерть так непредсказуемы, так близки друг к другу.

Мы существуем, не зная, кто следующий покинет этот мир.

Райчел Мид «Академия вампиров. Книга 3. Поцелуй тьмы»

– Ты в порядке? – услышала Вера как будто знакомый голос. – Давай уже просыпайся. Спать надо было раньше, когда от тебя это требовалось.

– Ты?! – удивилась Вера, открыв наконец глаза.

Она попыталась пошевелиться, но руки были крепко прикованы чем-то к ее ложу. Одежда на ней была вчерашняя, купленная Пахомом. Так что можно было порадоваться хотя бы тому, что сегодняшней ночью впервые за этот долгий уик-энд ее никто не переодевал.

Вера огляделась. Комната была по-домашнему уютной и дорого обставленной, и больничная кровать, лампа дневного света над ней и капельница создавали видимость больничной палаты премиум-класса.

Рядом, в большом мягком кресле, закинув ногу на ногу, сидел человек, олицетворявший теперь для Веры самого дьявола во плоти – Герман Фишер собственной персоной. Несмотря на все свое гнилое содержание, о котором Вере недавно стало известно, этот мужчина был божественно красив. Очевидно, годы шли ему только на пользу. Внешне он вообще походил на человека из другой эпохи, века лордов или зажиточных землевладельцев. Густые черные волосы без намека на седину, аккуратно подстриженные усики и короткая щетина, большие, светлые, горящие то ли азартным, то ли недобрым светом глаза и загорелое, чуть обветренное лицо. Пока еще неглубокие, самые первые морщины нисколько не портили его, а как будто, напротив, делали акценты на достоинствах его внешности, выгодно подчеркивая красоту черт лица. Он, несомненно, господин – это читалось в каждом его жесте. Еще во время интервью Вера отметила его величественные манеры, повелевающие интонации, не терпящий возражений взгляд.

– Где я? – прошипела Вера.

– У меня в гостях, дорогая, расслабься, – спокойно проговорил он, имея в виду ее сжатые кулаки.

– Это обязательно? – Вера нервно дернула руками, окольцованными пластиковыми ремешками, закрепленными на ее больничной койке.

– Вовсе нет. Дополнительная мера предосторожности.

– Дополнительная? – усмехнулась она. – Другими словами, мне и так не выйти из этого дома живой, но перестраховка не помешает?

– Знаю, что Пахом успел тебе все рассказать. Представляю твое состояние сейчас. Но твоя осведомленность не входила в мои планы, поверь.

– Залатанный гаденыш сдал меня. Сдал тебе, как кусок паршивого мяса.

– Не совсем так. Не ропщи на Пахома. Он еще какое-то время колебался. Но я уверен, он бы и сам принял верное решение. Первый шаг к нему он уже сделал, усыпив тебя дома. А я еще при разговоре в морге прочитал в его глазах обман. Я сразу понял, что он приведет меня к тебе, но не ожидал, что так быстро. Мне следовало раньше рассказать ему о важности твоего тела, тогда бы не возникло лишней суеты. Может, мне он и не предан как пес, но Эллу Пахом боготворил всегда. А ты дел, конечно, натворить успела: сначала каким-то чудом очнулась раньше времени вопреки всем биохимическим законам, а вчера учудила этот номер со своим Антоном. Что теперь прикажешь мне с ним делать?

– Не смей трогать Антона! – Вера поднялась, насколько ей позволили удерживающие ее браслеты. – Мразина бесчеловечная!

– Да успокойся, ляг. Он не дает повода, как ни странно. Вчерашний спектакль пришелся не ко двору, твой хахаль уже нашел тебе замену.

– Врешь, тварь!

– Попрошу не выражаться в этом доме, – предупредил Герман.

– Засунь себе в задницу свои аристократические замашки.

Герман поднялся и застегнул пуговицу на пиджаке, собираясь уходить.

– Плохое поведение. Подумай над ним. И запомни: люди, которые работают в этом доме, которые будут приносить тебе еду, обслуживать тебя, пока ты не заработаешь право на свободное перемещение, преданы мне на сто процентов. И ты совершенно верно подметила, они сделают все, чтобы ты и шагу не сделала из этого дома. Так что, не трать сил понапрасну, – заметив, что Вера задумалась, Герман счел нужным пояснить: – Пахом не относится к их числу, он хоть и обязан мне, но в преданности не клялся и волен поступать, как считает нужным. И то, он свою ошибку уже осознал и признал.

– Что с ним?

– С ним все в порядке. Я же говорю, вовремя одумался. Поехал готовиться к твоим похоронам. Скоро и я к нему присоединюсь, чтобы все проконтролировать.

– А меня не возьмете? – участливо поинтересовалась Вера.

– Нет, обойдемся без тебя, не переживай, – раздался саркастический смех. – Все необходимые мерки я с тебя уже снял.

13

Я знаю многих людей, которые боятся смерти.

Они говорят: «Умирать страшно. Умирать сложно».

Я с ними не согласен – умирать легко. Гораздо труднее жить.

Джеймс Хэтфилд

Пахом только выпроводил толпу судмедэкспертов, и на пороге тут же появился воодушевленный Фишер.

– Ну что? У нас все готово? – обратился он к помощнику.

– Почти, – буркнул тот и проследовал в операционную.

Фишер прошел за ним, окинул взглядом помещение и задержал взгляд на теле, лежащем на каталке.

– За пару часов управимся. Комар носу не подточит. Только наденем перчатки, а то будет много мороки. Надеюсь, никто не будет возмущаться по этому поводу.

Пахом молчал.

– Парень, ты чего приуныл? Это мне впору за голову хвататься! Теперь эта чокнутая в моем доме обитает.

– Это же ненадолго? – уточнил Пахом.

– Не знаю, состояние Эллы ухудшилось. Она очень подавлена тем, что операция сорвалась. – Он многозначительно посмотрел на Пахома. – Поэтому теперь придется ждать, когда оно стабилизируется. Ладно, ты прав, мне надо было сразу рассказать тебе о предназначении Веры. И это внезапное воскрешение повергло тебя в шок, понимаю. Ну ничего, все исправим. Похороним завтра Веру Званцеву раз и навсегда. И выбора у нее не останется другого, кроме как стать Эллой Фишер. Подходит она идеально. Чем больше смотрю на нее, тем больше в этом убеждаюсь. А с ее поганым языком мы скоро разберемся.

Фишер уже надел маску и натягивал на свои большие ладони тонкие медицинские перчатки, когда в двери морга постучали.

– Кого-то ждем? – раздраженно спросил он.

Пахом пожал плечами и пошел открывать.

– Давай недолго, мне понадобится твоя помощь.

Пахом толкнул тяжелую дверь и замер с вопросительным выражением лица. Перед ним стоял Антон, растерянный и взволнованный.

– Чего тебе?

Лицо Антона озарилось надеждой:

– Вы были тут в ту ночь, когда ее привезли! Вы дежурили, я вас помню. Девушка из больницы, после аварии. С пятницы на субботу.

Пахом напрягся. Неужели парень сообразил, что Вера жива? Сейчас начнется…

– Скажите, когда ее хоронят? Завтра? Во сколько?

– Вы же сказали ментам, что незнакомы с покойной.

Антон виновато пожал плечами.

– Завтра в одиннадцать ее забирают. В Елоховскую, – коротко ответил Пахом, закрыл дверь на замок и вернулся в операционную.

– Кто там? – спросил Фишер.

– Судмеды что-то забыли, – равнодушно откликнулся Пахом. – Как обычно.

14

– Почему ты только на похороны ходишь, а на свадьбы никогда?

– На похоронах хотя бы не спрашивают: «А ты когда?»

Н. А.

Переминаясь с ноги на ногу, Антон с досадой оглядывался по сторонам и пристально провожал взглядом каждую ритуальную машину, подъезжающую к церкви.

– Надо было ехать в морг к одиннадцати, вдруг ее забрали раньше и уже отпели.

– Всего лишь половина двенадцатого, – успокоила его Даша. – Вам просто нужно было потеплее одеться и набраться терпения. Ее еще не было. Пока только одни старики.

Антон заметил, что иногда Даша смотрит туда, где вроде бы ничего и нет. Но он догадывался, что именно она там видит. Порой девушка кивала в пустоту, и тогда его передергивало, но уже не от холода.

Наконец приехала ритуалка в сопровождении автомобиля, принадлежащего каналу, на котором работала Вера. Из машины вышло несколько человек, некоторые были знакомы Антону со времен съемок. За ними вышел оператор с камерой.

– Не могу поверить, они собираются снимать ее похороны!

– В церкви им вряд ли разрешат снимать, – заметила Даша. – А вот на кладбище могут.

– Она здесь? – с трепетом в голосе Антон задал главный вопрос.

– Пока не вижу.

Спустя час после отпевания гроб перевезли на кладбище. Несколько крепких парней – сотрудников канала – вызвались нести деревянный ящик. Антон присоединился к ним. Народу на кладбище было немного: несколько коллег, директор канала, который и распорядился организовать съемку, пара друзей и старшая сестра, которая прилетела из Питера. Вера рассказывала, что родителей они с сестрой потеряли в детстве, и воспитывала их бабушка, которой тоже давно уже нет. «Хорошо, когда людям не приходится хоронить своих детей или внуков», – подумал Антон. Даже сие грустное мероприятие было почти лишено трагизма из-за отсутствия большого количества скорбящих людей. Может быть, их было бы и больше, но из родственников в Москву смогла прилететь только сестра. Антон подумал, что надо бы сказать ей несколько слов соболезнования, когда все закончится, но сейчас его больше волновал другой вопрос: где Вера? Он вопросительно поглядывал на Дашу. Та была растеряна.

– Ее тут нет, – шепнула она ему. – Тут никого нет. Это очень странно. Я никогда не сталкивалась с таким.

– Где же она?

– Понятия не имею…

Антону вдруг стало смешно, и он едва сдержался, чтобы этого не заметили окружающие. Что за цирк он устроил? Где он ищет Веру, если он только что видел ее в гробу собственными глазами? За два дня она, конечно, сильно изменилась – вскрытие, специальная обработка и толстый слой грима сделали свое дело. Но это была она. А он просто словил «белку», и единственный урок, который он должен вынести из всей этой истории – надо меньше пить. И угораздило же его еще и наткнуться на эту шарлатанку в церковной лавке, которая заморочила ему голову окончательно.

– Она была в перчатках, – тихо проговорила Даша тем временем.

– Что? – раздраженно переспросил Антон.

– Покойная… Они зачем-то надели ей перчатки в морге. Что-то не так было с ее руками?

– С руками было все в порядке. – Антон не мог скрыть нотки разочарования в голосе.

– Они никогда не надевают перчатки просто так, – уверенно сказала Даша.

В этот момент к собранию скорбящих и не очень приблизился высокий мужчина в длинном черном пальто. «Это еще кто?» – мимолетом подумал Антон. Лицо знакомое, похоже, какая-то медийная личность или очередной зевака с канала, которого ему доводилось видеть в студии. И действительно, некоторые из Вериных коллег рассыпались перед ним в благоговейных приветствиях.

Но ему в данный момент почему-то не давало покоя последнее замечание Даши про перчатки. Сам не осознавая, что он делает, Антон вдруг бесцеремонно растолкал народ, который стоял ближе к гробу, нависшему над черной ямой и

уже готовому к погружению.

– Где он открывается? – Антон засуетился вокруг гроба. – Где отпирается этот чертов ящик? – Он продолжал беспорядочно шарить руками по гладкой лакированной поверхности. – Почему она была в перчатках? Кто-нибудь объяснит мне? Я хочу видеть ее руки.

Собравшиеся в недоумении переглянулись, а высокий господин в два шага преодолел расстояние до Антона и схватил его за плечо широкой ладонью.

– Мужчина, успокойтесь, имейте уважение к усопшей.

Тут к нему присоединились еще две пары рук и оттащили молодого человека от гроба. Антон тяжело дышал, сам не понимая, что с ним происходит. Освободившись от удерживающих его, он плюхнулся на снег и уткнулся лбом в сжатые кулаки. Собравшиеся стояли в некотором оцепенении, но смотрели с сочувствием на безутешного молодого человека.

– Опускайте, – донесся до него повелевающий голос мужчины, который только что воспрепятствовал его безумному порыву.

Даша помогла Антону подняться и, продолжая придерживать за локоть, поглаживала его руку и приговаривала:

– Мне очень жаль.

Первая горсть промерзшей земли глухо стукнулась о крышку гроба. Через пару минут вместо зияющей дыры на ее месте уже красовался симпатичный холмик.

15

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти.

Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Иван Тургенев «Воробей»

– Проходи, дорогая. – Фишер поднялся из кресла и, изображая радушного хозяина, пододвинул гостье стул. – Присаживайся.

Разминая затекшие запястья, Вера послушно присела.

– Римма, ты пока можешь идти, – обратился он к полноватой женщине средних лет в светлом медицинском халате, которая привела Веру.

С трудом подняв веки, Вера устало посмотрела на усевшегося обратно за свой рабочий стол Германа. Тот, сложив руки перед собой, смотрел на нее с довольным видом.

– Чего уставился? Обкололи меня всю, как бешеную собаку, а теперь радуетесь? Усыпите, и дело с концом. Или так интересно наблюдать, как человек превращается в растение?

Вера с трудом удерживала свое тело в сидячем положении – с утра милая пышечка Римма вколола ей уже три шприца. Впрочем, никакого ужаса она теперь не испытывала. Даже о собственном усыплении она говорила на полном серьезе. Львиная доля успокоительного или чего-то вроде этого расслабила не только ее тело, но и мысли. Не только страх отступил, но и ненависть к сидящему напротив человеку ощущалась не слишком остро.

– Не драматизируй, это обратимый процесс. Тут все будет зависеть от тебя самой.

– Черта с два. Итог-то один, – равнодушно отозвалась Вера.

– Никто не знает, что будет завтра, не стоит делать драматичных прогнозов.

– Не ври, Герман.

– Да, был определенный план. Но сейчас Элла не готова к его осуществлению. Так что незачем расстраиваться раньше времени. Поживи тут, освойся. В любом случае Веры Званцевой с сегодняшнего дня официально не существует.

– И как вы это провернули? – устало поинтересовалась Вера. – У людей наверняка возник вопрос о похоронах. Как вы его обошли?

– Зачем обходить? Все честь по чести. Отпели, предали земле, помянули. Верочка, ты нас недооцениваешь! Сегодня поистине твой день!

– Ты больной человек, Герман. Чудовище. Мало того что ты намереваешься умертвить меня путем расчленения, ты решил перед этим еще вдоволь поиздеваться надо мной.

– О чем ты говоришь? – искренне удивился Фишер. – Я от души пытаюсь наладить с тобой контакт, дать понять, что у тебя начинается новая жизнь! Мне приятно смотреть на тебя, думать о том, что скоро я буду обладать тобой.

– Моим телом, – поправила его Вера. – И то если повезет.

– Мы можем начать заранее, – заметно оживившись, предложил Фишер.

Несмотря на слабость, Вера глухо рассмеялась:

– Тест-драйв, что ли? Ой, не могу, надо ж было так вляпаться! Ты настоящий маньяк, Фишер. Синяя Борода нашего времени. Ну, сдалась тебе я, сдалась тебе твоя несчастная женушка. В современном мире в твоем возрасте жен не восстанавливают, а меняют. Ну или бросаются во все тяжкие. И без всякого кровопролития. Особенно с твоей внешностью и твоими бабками. Выйди на улицу – тебе любая даст, не раздумывая.

При упоминании о жене Герман помрачнел, но из себя не вышел, как ожидала Вера.

– Я не так примитивен, дорогая. Двадцать пять лет назад я выбрал Эллу, а сейчас тебя. Мы вместе выбрали. И завтра ничего не изменится. Чем скорее тебе удастся с этим смириться, тем лучше будет для всех. Я не отрекусь от тебя подобно твоему последнему белобрысому самцу, который на твои же похороны приволок свою новую подружку.

– Что-о-о? – впервые за сегодняшний день Вере удалось широко раскрыть глаза и выразить хоть какую-то эмоцию. В данном случае удивление, смешанное с недоверием.

– Сама можешь посмотреть. Твои великодушные коллеги уже прислали мне видеозапись с похорон.

Длинные мягкие пальцы гениального нейрохирурга заскользили по тачпаду ноутбука.

– Они что, с ума сошли? Сняли на видео мои похороны? Поверить не могу! – Вера уронила тяжелую голову в ладони.

Фишер развернул к ней ноутбук и включил запись. Вера нехотя подняла глаза, все еще держа руки наготове, чтобы прикрыть их, если увидит что-то страшное, как при просмотре фильма ужасов.

Камера скользила по лицам знакомых людей: коллеги, сестра, вот стоит Антон, рядом с ним какое-то серое пятно, далее появляется и задерживается на экране дольше остальных изображение Фишера. Затем оператор наконец перемещает свое внимание вниз на большой красивый гроб в обрамлении дорогих венков.

– Антона, покажи мне Антона еще раз, – умоляющим тоном прошептала Вера.

Герман пристально посмотрел на девушку, но просьбу ее выполнил. Наверное, впервые она сказала что-то без дерзкого вызова и агрессии, даже попросила, и это его немного обескуражило.

На экране крупным планом появился Антон, как всегда, ухоженный и с иголочки одетый, но вид при этом у него поистине скорбный. Вера долго рассматривала его с грустью, периодически медленно моргая. Она готова была сейчас отдать все что угодно, лишь бы оказаться рядом с ним. Даже если это будет последнее, что она сделает в этой жизни. Но при этом ее не покидало ощущение, что она уже смотрит на него с того света. Увидеть его лично, хотя бы так, как субботним вечером у его подъезда, ей уже вряд ли удастся.

– Эй, не спи, красавица, – донесся до нее ненавистный низкий голос.

– А это что за чучело рядом с ним? – встрепенулась Вера и брезгливо поморщилась. – Что-то я не вижу Марины или кого еще он там притащил, по твоим словам. Наврал, я так и знала. Это бред полный, – Вера с облегчением откинулась на спинку стула.

– Так это же она и есть, – добродушно улыбнулся Фишер. – Чучело, как ты говоришь.

– Смеешься? Антон и эта мышь? Это ты все подстроил. Уж если ты хотел окончательно меня морально раздавить, то мог бы приставить к нему какую-нибудь мало-мальски симпатичную девушку. Антон любит смазливых девчат с соблазнительными формами, а не бабушек в оренбургских платочках. – У Веры даже от сердца отлегло. – Кто угодно, но не эта страшила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gulyaeva_ol-ga/kak-umirala-vera

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить